

Александр Васькин

ИНЖЕНЕР ШУХОВ. Страницы биографии¹

Как-то в последних числах мая 1882 года Владимир Шухов и Александр Бари обсуждали в конторе очередной проект, которым следовало заняться. В конце разговора Бари сказал: «А знаете, Владимир Григорьевич, Перов-то вчера умер, от чахотки». Художника Василия Перова Шухов не раз встречал, когда тот направлялся в Училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой, где был профессором. Картины его на бытовые и житейские темы были весьма популярны, Шухов среди них выделял «Охотники на привале». Он мог подписаться под словами Достоевского о ней: «Один горячо и зазнамо врет, другой слушает и из всех сил верит, а третий ничему не верит, прилег тут же и смеется... Что за прелесть! <...> Мы ведь почти слышим и знаем, об чем он говорит, знаем весь оборот его вранья, его слог, его чувства». И вот теперь Перова не стало, как жаль, он не дожил до пятидесяти лет...

Шухов подумал: а ведь четыре года назад врачи и у него нашли все признаки чахотки — легочного туберкулеза. Чахотка, собственно говоря, и заставила его уехать в Баку. Эта болезнь слыла бичом времени, уравнила бедных и богатых. От чахотки умер критик Виссарион Белинский, принц Наполеон II Бонапарт, герцогиня Евгения Лейхтенбергская и множество самых разных людей. Не брось все тогда Шухов, и его бы свела в могилу эта болезнь. В 1880-е годы от чахотки в России умирал каждый десятый горожанин, а в Петербурге смертность от этой болезни в три раза превышала смертность от холеры и в пять раз от тифа. Мужчины, по сравнению с противоположным полом, умирали чаще, причиной сего назывались «социальные условия», вынуждающие мужчину «вести более тревожное и более тяжелое существование, нежели какое ведет женщина».

Интересно, что еще в начале XIX века причиной заболевания полагали меланхолию, чрезмерное увлечение чем-либо, будь то любовной страстью или наукой, посему заболели ею часто люди творческие. Чахотка доводила до гробовой доски и тех, кто, находясь в пограничном душевном состоянии, тосковал от неразделенной любви. Склонными к чахотке считались истерики и ипохондрики. Отчасти чахотка стала каким-то даже романтическим диагнозом, усиливавшимся из-за сидячего образа жизни и «глубокомысленных упражнений ума»: «Беспременное прилежание в немногие месяцы часто разрушало наилучшее телосложение... Чахотка, столь часто у них [ученых] случающаяся, происходит от согбенного и беспрестанно сидячего положения тела», — сообщал справочник «Домашний лечебник».

---

¹ Полностью книга А. Васькина «Владимир Шухов» (серия «Жизнь замечательных людей») выйдет в издательстве «Молодая гвардия» в 2018 году.

Наконец, во второй половине XIX века, стала преобладать точка зрения, что чахотка — это болезнь в основном простого рабочего люда, которой страдают от отсутствия гигиены, из-за антисанитарии, скученности, спертого воздуха. Так чахотка перешла из раздела аристократических болезней в разряд простонародных недугов.

Колоссальная исследовательская работа, казалось, не только не изматывала Шухова, а придавала ему свежие силы, вдохновляла на все новые и новые изобретения (странно, что Шухов еще не успел приступить к проектированию самолета). Самоорганизация, умение сосредотачиваться на крупных задачах, не упуская мелких деталей, безошибочная концентрация на главном, безупречные способности в области управления техникой и персоналом — все это относится к приобретенным качествам Шухова, которые он воспитал в себе в процессе становления инженерного таланта. А вот то, что дал ему Бог, — это отменное здоровье. Восстановить его и победить чахотку Шухову помогли спорт и закаливание. Он обливался холодной водой дважды в день, утром и перед сном, регулярно делал спортивную гимнастику. Сердце его было готово биться сто лет — так сказали врачи уже после его нелепой смерти. Кроме того, Владимир Григорьевич был патологически брезглив — носил перчатки, постоянно протирал руки одеколоном, спиртом, по этой причине, надо полагать, микробы обходили его стороной (в итоге, правда, тот самый одеколон и прервал вековую перспективу жизни). Символично, что даже деньги, золотые монеты он брал в перчатках, что со стороны могло показаться пренебрежением к ним.

Конечно, в том, что человек заботится о гигиене и чистоте, часто моет руки, нет ничего страшного, плохо, когда не моет. В Великобритании, например, 20% населения вообще никогда не тратят время на эту ерунду, и ничего, живут. Однако, чрезмерная брезгливость имеет свою крайность — мизофобию: страх не просто чем-то заразиться от соприкосновения с окружающей средой, а забыть помыть руки. Считается, что такие люди имеют тонкую душевную организацию и весьма ранимы. Много их среди творческих личностей. Взять хотя бы Дмитрия Шостаковича — тот мыл руки каждые пятнадцать минут. Ему неважно было, где и как жить, главное — чтобы был умывальник с водой. Он мыл руки и немедля шел к столу, садился сочинять, как Шухов — изобретать.

Изобретателям вообще свойственна брезгливость. Например, Никола Тесла, современник Шухова, постоянно мыл руки, всегда носил перчатки, дабы не здороваться обнаженной рукой с кем бы то ни было. А чтобы прикоснуться к нему, следовало получить от него особое разрешение. Его заклятыми врагами были мухи и переносимые ими микробы. Он мог в день выбросить в корзину для грязного белья десятки полотенец, к которым лишь прикоснулся. Поскольку он часто жил в отелях, то там о его привычках были хорошо осведомлены. В ресторанах его столовые приборы лежали под специальным стеклянным колпаком, их стерилизовали, серебряные ложки, вилки и ножи кипятили. В погоне за чистоплотностью он доходил до того, что перед едой тщательно протирал уже прокипяченную вилку салфеткой, протирая ее другой салфеткой. Впервые увидевшие это

зрелище люди не могли оторвать глаз от ученого и его стола. Причиной брезгливости Теслы называют перенесенную им в молодости холеру.

А еще Тесла с отвращением относился ко всему круглому, будь то жемчуг в ожерелье сидящей рядом женщины или бильярдный шар. Кроме того, ученый обладал потрясающей работоспособностью, уделяя сну не более четырех часов в сутки. Он мог днями напролет не вылезать из своей лаборатории, как это и случилось однажды, когда он не спал почти девяносто часов подряд! Ну, а как же семья, спросит обыватель? В том-то и дело, что ни семьи, ни дома в привычном нам понимании у Теслы не было. Женщины только мешали ему изобретать, по его собственному признанию, его невинность помогла ему достичь небывалых высот в науке. Конечно, Шухов не во всем походил на Теслу, но, согласитесь, что-то общее в этих выдающихся людях есть...

Психологи подчеркивают, что брезгливость имеет, по крайней мере, две разновидности — зрительную, когда грязное пятно вызывает отвращение, и кожную, когда неприязнь порождена прикосновением к чему-либо, подозреваемому в нечистоплотности. У Шухова был второй вариант. Этот тип людей, как правило, интересуется своим самочувствием, строго следит за своим здоровьем. На подсознательном уровне здоровье расценивается таким человеком как главное богатство, которым он наделен свыше и должен рационально распоряжаться, чтобы прожить как можно дольше, принося пользу людям, обществу, стране или, на худой конец, самому себе. Такие люди очень легко управляют собой, заставляя себя делать то, что другим не под силу — садиться на диету, плавать в проруби, есть только полезные продукты, короче говоря, строго соблюдать режим дня и вести здоровый образ жизни. Такова их психологическая натура, под стать которой — интенсивный обмен веществ в организме, приносящий ощутимые плоды этого самого режима. Человек становится бодр и легок на подъем, готов на большие дела и великие свершения.

Сердечная драма от безответной любви, душевное потрясение от творческой неудачи, сильное разочарование в людях ли, в жизни ли, в работе, потеря денег, времени и т.д. — все это вызывает у кого-то сердечный приступ, а у такого человека стресс, своеобразной лакмусовой бумажкой которого становится кожный покров. Возникает ощущение, что угроза исходит от микробов и болезнетворных бактерий, ибо они и есть главная опасность для здорового организма, запрограммированного его обладателем на долгие годы работы. Следовательно, надо помыть руки, а если мыть нечем, то протереть их спиртом для дезинфекции. Постепенно это превращается в привычку, которая, как известно, вторая натура.

Можно предположить, что чахотка, которой заболел молодой Шухов в 1878 году, и была следствием эмоционального потрясения, которое он пережил тогда. Ему показалось, что он выбрал не ту стезю жизни, зря потратил время в училище (когда ему пришлось работать в чертежном бюро), потому и бросился вновь учиться, но уже на врача.

Перенесенный стресс, сама реакция была уже следствием строгого воспитания. Возможно, что Шухов ждал, прежде всего, порицания со стороны властной матери, олицетворявшей собою общее мнение всей семьи. Комплекс неудачника, который преследовал его в молодости, когда это временное состояние воспринимается особенно остро, и заставил его в дальнейшем работать шестьдесят лет на одном месте, так думается. Как и любой человек, стрессы Шухов испытывал и позже, но будучи сдержанным, он проявлял их по-особому, что выражалось в защитной привычке протирать руки спиртом.

Одаренный человек талантлив во всем. Совершая открытия в не пересекающихся на первый взгляд областях науки и техники, Шухов увлекался и самыми разными видами спорта — метал бумеранг, играл в городки, стрелял из лука, зимою катался на коньках и лыжах. Но больше всего он полюбил велосипедную езду. В те годы она только-только получала распространение в Москве, к середине 1880-х годов число велосипедистов исчислялось сотнями — немного, а значит, Шухов был в числе первопроходцев. Это сегодня в столице активно осуществляется идея развития велосипедного транспорта, а первым московским градоначальником, официально разрешившим езду на велосипеде в городе, был Владимир Андреевич Долгоруков. В 1888 году он позволил членам Московского общества велосипедистов-любителей и другим лицам колесить на велосипедах по бульварам с темного времени суток до 8 часов утра, а за городом — в течение всех двадцати четырех часов.

Постепенно интерес к велосипеду как новому виду транспорта стал распространяться. Это двухколесное (а иногда и трехколесное) изобретение привлекло к себе людей самых разных возрастов. В ту пору выглядели велосипеды совсем по-другому, переднее колесо — огромное, чуть ли не два метра диаметром, заднее — совсем маленькое. Называлась такая модель «Пенни-фартинг», что соответствовало разновеликим британским монетам пенни и фартингу — большой и маленькой. А в России прижилось другое название велосипеда — паук. Обывателям паук внушал (как и положено названию) недоверие и страх. Характерен следующий пример. В Москве в 1875-1890 годах издавался еженедельник «Газета А. Гатцука», в котором в 1875 году была помещена литография «Эквилибристы на велосипедах в Париже на гулянии в Булонском лесу». В богатой московской семье Варенцовых его тоже читали: «В журнале сообщалось об изобретении велосипеда, с рисунком его; велосипед изображен с колесом в рост человека, а сзади его маленькое колесико, с сидящим на большом колесе человеком, с указанием, что на этой машине можно делать большие прогулки. Матушка, осмотрев изображение велосипеда, покачала головой и вслух сказала: «Можно ли так врать? Как возможно человеку усидеть на большом колесе, да еще делать на нем большие прогулки? Вот и выписывай такой журнал со враньем! Все делается только для того, чтобы побольше из вранья извлечь денег!» Я вполне сочувствовал словам матушки, зная по опыту, что усидеть на колесе, даже на маленьком, невозможно, не предполагая, что лет через четырнадцать после этого разговора буду совершать большие прогулки на

велосипеде, но с большими усовершенствованиями», — вспоминал в эмиграции предприниматель Николай Варенцов.

Велосипед-паук и по сей день представляется не только культурным свидетельством заката викторианской эпохи, но и символом зарождения велосипедных гонок как вида спорта. В архиве осталась старая фотография 1880-х годов, на которой изображен сдержанно улыбающийся Владимир Григорьевич верхом на том самом велосипеде-пауке. В России еще не было своего массового производства таких велосипедов, их завозили из Англии. И Шухову, судя по сему, было совсем не страшно кататься на нем. А вообще-то это было небезопасно: из-за смещенного центра тяжести и чересчур резкого торможения, велосипед легко падал, увлекая за собой своего седока, который должен был мастерски увернуться, дабы не нырнуть головой через руль. Страховка на случай неудачного падения была высокой. В объявлении одной из страховых фирм читаем: «Господа велосипедисты принимаются «на страх» по тарифу: три тысячи рублей на случай смерти, шесть тысяч рублей на случай инвалидности».

Но прежде чем упасть, надо было залезть на велосипед (представим себе Шухова в этот важный момент, ибо садиться на паука лучше было на ходу, разогнав его!). Дождавшись момента, велосипедист левой ногой встает на подножку и запрыгивает на седло, пока велосипед едет по инерции, затем он быстро опускает ноги на педали, не дав машине остановиться. При этом следует крепко держать в руках руль, который так и норовит вывернуться. Не забудем и о невысоком росте Шухова — ему приходилось предварительно переставлять педали, ибо седло не имело регулировки. Зато само седло (крепилось на рессоре) высокое, сидишь, как на насесте, все видно вокруг. Ну и, наконец, приличная скорость, которую развивал пенни-фартинг — до 30 км/ч!

Велосипедистов стало так много, что в мае 1890 года московский обер-полицмейстер Е.К. Юровский обратился к Долгорукову с просьбой о запрещении езды на велосипедах в вечерние часы в Сокольниках и Петровском парке. Оказывается, что «вечерняя езда на велосипедах представляется в дозволенных местах неудобною в отношении гуляющей публики, а именно: в Петровском парке... велосипедисты, проезжая по всем направлениям с фонарями, пугают лошадей, по городским же бульварам катание на велосипедах в вечернее время до крайности стесняет и тревожит гуляющую публику», — жаловался обер-полицмейстер в рапорте.

В то же время, со своими просьбами стали обращаться и велосипедисты-энтузиасты. Автор одного из таких писем пытался убедить генерал-губернатора, что «Велосипед — не есть игрушка, это есть гигиеническо-лечебно-воспитательное средство... Теперь при воспрещении кататься на велосипедах куда денутся тысячи молодых людей вечером и в праздники? Конечно, пойдут в загородные трактиры, где нет недостатка в соблазнительности, а это очень понравится молодежи, и она погибнет». Долгоруков оказался меж двух огней — с одной стороны, массовое общественное увлечение, с другой стороны,

необходимость соблюдения правил дорожного движения. Как человеку ближе ему были просьбы велосипедистов, но как градоначальник он обязан был прореагировать на рапорт обер-полицмейстера. В итоге, возможность ездить на велосипеде по Москве существенно ограничили. Шухов расстроился — ведь он мог бы ездить в контору на велосипеде.

Запретный плод сладок. Даже Лев Толстой обучился езде на велосипеде, но уже на другом, с цепью, регулярно приходя для этой цели в Манеж. В 1884 году было создано Московское общество велосипедистов-любителей, затем Московский клуб велосипедистов, а в последующие годы — Всеобщий и Германский союзы велосипедистов и Московский кружок любителей велосипедной езды.

Шухову не удалось изобрести велосипед — это сделал до него Леонардо да Винчи, в бумагах которого обнаружился чертеж некоего похожего средства передвижения. А вот в соревнованиях, проводившихся в Москве, Шухов участвовал непременно. Первые состязания в новом виде спорта прошли в Москве на ипподроме 24 июля 1883 года. Дело было новое, а потому зрителей постарались привлечь всякого рода традиционными развлечениями — марафоном всех желающих на длинную дистанцию, состязанием скороходов и коней-рысаков (кто кого перегонит), гонками троек и т.д. Затея имела успех — в тот день на ипподроме собралось свыше 10 тысяч зрителей. Для участия в велосипедных гонках на пауках приехали даже участники из Америки и Англии. Но имя Шухова среди победителей мы не находим, им оказался петербуржец Юлий Блок, выигравший заезд на полторы версты. Так зачинался велосипедный спорт в России.

А 1891 году среди велосипедистов провели чемпионат на звание «Первый ездок России», в котором участвовали спортсмены из Петербурга, Киева, Харькова, Одессы. Классической дистанцией тогда было расстояние в семь с половиной верст — его и нужно было преодолеть. Междугородный марафон состоялся в 1894 году, от Москвы до Нижнего Новгорода. Но там требовалось не то, что победить, а просто доехать: дороги были таковы, что достичь финиша удалось лишь двоим. Еще более тяжелой была гонка 1895 года между двумя столицами. Но в этих состязаниях Владимир Григорьевич мог быть лишь зрителем — когда-то и работать надо!

Зато в гонках на велосипедах в Манеже, проводившихся по воскресеньям, Шухов так же претендовал на лидерство, как и в своих новаторских идеях. Его не смущало, что и солидные заказчики с Мясницкой или даже его непосредственный начальник Бари узнают его среди соревнующихся, а даже задорило. Впрочем, симпатии публики были на его стороне. Выбившегося вперед стройного спортсмена радостными воплями приветствовали завсегда и этого нового для Москвы зрелища: «Рыжий, наддай! Еще наддай, рыжий!» Эти слова относились к Шухову и его рыжей бородке.

Шухов много катается по окрестностям Москвы: «На поездки собирались человек по пять-десять. Предварительно выбирали старшину, на обязанности которого лежало изучение дороги и ее особенностей (канавы, мостики и т. д.). Одеты были велосипедисты в сюртуки.

Тогда в моду вошли бородки, так что вид у велосипедистов был очень солидный. Во время одной поездки Шухов был избран старшиной. Ехал он впереди, указывая дорогу. В одном месте она упиралась в мостик из уложенных свободно круглых бревен. Владимир Григорьевич миновал его благополучно. Но остальных постигла неудача. Бревна заходили ходуном, и спортсмены один за другим попадали. А падение грозило серьезными ушибами, учитывая высоту тогдашнего велосипеда. Тут же за мостиком устроили совещание и решили сместить Шухова с должности старшины.

— Но я-то ведь благополучно проехал! — оправдывался он.

— На то ты Шухов! Ты везде проедешь, — шумели велосипедисты. — Ты, наверное, уже рассчитал колебания своего тела в зависимости от веса и колебаний бревен, а нам ничего не сказал!

Шухов только улыбался, помогая пострадавшим отряхивать пыль с костюмов», — свидетельствовал Галанкин.

Вооружившись фотоаппаратом, Шухов снимал проводившиеся в Москве выставки. Так, 3 мая 1905 года в Москве открылась первая международная выставка автомобилей, велосипедов и спорта под покровительством великого князя Михаила Александровича. Проходил смотр в хорошо знакомом Шухову Манеже, куда привезли экспонаты из Франции, Германии, Италии. В Москве уже к тому времени появились первые личные авто, зарождался интерес к этому чуду техники. Посетители с интересом ходили вокруг машин и даже автобусов. Состоялся и автопробег Петербург-Москва через Чудов, Новгород, Крестцы, Вышний Волочек, Тверь и Клин. Из двадцати семи машин до Москвы добралось 17 автомобилей. А в 1908 году Шухов присутствовал на первых в Москве автогонках, что запечатлено на его фотографиях.

Владимир Григорьевич изучал велосипед и с научной точки зрения, выписывал популярные журналы по велосипедному спорту, была у него и подаренная Николаем Жуковским книга с дарственной надписью «О прочности велосипедного колеса». Личным итогом Шухова в 1880-х годах стал титул чемпиона Москвы среди велосипедистов-любителей. По легенде, в 1894 году он учредил приз своего имени — его должны были вручить тому, кто первым преодолеет четверть английской мили (400 метров) за 31 секунду. Но серебряный кубок так и не был вручен...

Но, пожалуй, самым главным увлечением изобретателя, которое он пронес через всю жизнь, была фотография, к которой он старался пристрастить и детей (в большей мере это передалось сыну Сергею). Шухов нередко говорил о себе, что по профессии он инженер, а в душе фотограф (не хуже Прокудина-Горского!). Фотоаппарат был с ним повсюду, он подробно фотографировал не только свою семью, знакомых, сослуживцев, но и разные здания и сооружения, события — наводнение в Москве 1908 года, революционные события 1905 года, открытие памятника Гоголю в 1909 году, праздники, крестные ходы и манифестации, даже первомайскую демонстрацию 1917 года. Забирался на крыши домов

(среди множества фотографий есть, например, и вид на Смоленский бульвар с крыши шуховского особняка на углу Смоленского бульвара и 1-го Неопалимовского переулка), снимал с верхотуры широкие панорамы центра Первопрестольной, по которым нынче можно воссоздать вид утраченного города. Много было снято Шуховым жанровых сценок — коровы у стен Новодевичьего монастыря, игра в теннис во дворе дома на Смоленском бульваре, пожарная команда на Плющихе, конный экипаж на Красной площади и т.д.

Занимался он и индустриальной фотографией, запечатлевал процесс сборки своих конструкций — башен, перекрытий, дабы использовать это в работе. Здесь уже шуховские фотографии имеют иной, прикладной, экспертный характер. Снял обстановку в конторе Бари — анфилада рабочих кабинетов, сосредоточенный интеллектуальный труд инженеров, массивные рабочие столы с бумагами, на стенах под стеклом — галерея механизмов. А захватывающие снимки цехов завода Бари с уходящей вдаль перспективой, которую подчеркивает стройный ряд блестящих станков, — просто симфония! Кстати, Шухов любил повторять: «Нужно, голубчик, приучать себя мыслить симфонически!»

Будучи не слишком откровенен в своем дневнике (который писался будто для шпионов — настолько кратко и сокращенно), в фотографиях Шухов сумел донести до нас многие скрытые на первый взгляд нюансы своей жизни и творчества, и даже в какой-то мере потаенные стороны своей натуры. Есть у него много постановочных снимков, но встречаются и такие, что раскрывают внутренний мир изображенных на них героев лучше иной устной характеристики. Шухов делал и селфи — т.е. снимки собственной персоны, но первым здесь он не был. Задолго до Шухова, например, «сам себя снял» Лев Толстой.

Являясь сторонником развития отечественной промышленности, тем не менее, Шухов отдавал предпочтение зарубежной фототехнике. В распоряжении Владимира Григорьевича имелся приличный арсенал фотоаппаратов, начиная от компактного американского «Кодака» и продолжая немецким «Полископом» и французским «Вероскопом». Последняя модель была Шухову особенно дорога — с конца 1890-х годов стереофотоаппараты стремительно входят в моду, благодаря парижанину Жюлю Ришару, запатентовавшему в 1893 году более совершенную фотокамеру, не такую громоздкую и менее тяжелую. Магазин «Вероскопа» был рассчитан на 10 заменяемых фотопластинок. Стереофотосъемка позволяла делать изображения объемными, своего рода 3D. Это было новаторство, высоко оцененное Шуховым. На большом стереоскопе он с удовольствием демонстрировал всем желающим — и взрослым, и детям — свою богатую коллекцию, насчитывающую более тысячи фотоснимков.